

## ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ СОНЕТА ЕЛЕНЫ ЗЕЙФЕРТ «НИКТО»

**Казиева Альмира Магометовна**, доктор филологических наук, профессор, директор Северокавказского научно-исследовательского института филологии, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357432, Пятигорск, пр. Калинина, 9.

**Калабергенова Айнара Карабаевна**, Каспийский государственный университет технологии и инжиниринга имени Ш. Есенова, 130003, Республика Казахстан, Мангистауская область, г. Актау, 32 микрорайон.

В статье даётся целостный анализ сонета Елены Зейферт «Никто». Авторы утверждают, что манифестируемый в тексте «Никто» – это нравственный выбор поэтессы, её жизненная позиция, а шире – утверждению концепции человеческого бытия, в котором нет места тирании, деспотизму, насилию. Благодаря мифопоэтической основе этого текста достигается простота и прямота высказываний, с которой только и можно говорить о личном и общем, актуальном и общечеловеческом.

**Ключевые слова:** поэзия, сонет, метафоричность, лирика, семантическое пространство текста, жанр, жанровые эксперименты, культурный код

### COMPLETE ANALYSIS OF THE SONNET OF ELENA ZEYFERT "NOBODY"

**Kaziyeva Almira M.**, Doctor of Philological Sciences, Professor, director of North Caucasian Research Institute of Philology, Pyatigorsk State Linguistic University, 357432, Pyatigorsk, ave. of Kalinin, 9.

**Kalabergenova Ainara K.**, Caspian State University of Technology and Engineering of Sh. Esenov, 130003, Republic of Kazakhstan, Mangistausky area, Aktau, 32 residential district.

In article the complete analysis of the sonnet of Elena Zeyfert "Nobody" is given. Authors claim that demonstrated in the text "Nobody" is a moral choice of the poetess, ee a vital position, an is wider – utverzhdeniyeeyu than the concept of human life in which there is no tyranny place, to despotism, violence. Thanks to mifopoeticheskoy to a basis of this text simplicity and frankness of statements with which only and it is possible to tell o personal and the general, actual and universal is reached.

**Keywords:** poetry, sonnet, metaphoricalness, lyrics, semantic space of the text, genre, genre experiments, cultural code

Поэзия Елены Зейферт вобрала в себя все наиболее яркие приметы поэзии XXI века. Максимально метафоричная, наполненная удивительно тонкими образами, её лирика откровенно доверительна с читателем и в то же время она остается быть инфернально непрочитываемой до конца. Е. Зейферт – поэт-экспериментатор. Причем, экспериментирует очень органично, без ученического надрыва. В её жанровом репертуаре есть и сонеты, и баллады, и исповедь, и цикл из двух писем (рондо и триолета), и «шокопоэма». Е. Зейферт не просто поэт, она филолог по образованию, что, по всей видимости, позволяет ей быть на высоте её жанровых экспериментов. Она участница литературного семинара молодых поэтов-немцев СНГ (январь 2001 г., Москва), литературных курсов «Мастер-класс» при общественном фонде «Мусагет» (июнь 2001 г., Алматы), первый лауреат областного карагандинского конкурса молодых литераторов «Созвучие» (2000 г.) в номинациях «Поэзия» и «Проза». В 1999 г. Е. Зейферт защитила

кандидатскую диссертацию на тему «Жанр отрывка в русской поэзии первой трети XIX века», сейчас Е. Зейферт – доктор филологических наук, постоянный автор журналов «Аполлинарий», «Amanat», «Книголюб». Ныне Е. Зейферт живёт в Москве, является членом Союза писателей России, работает в редакции «Литературной газеты».

Несомненно, литература XX–XXI вв. характеризуется активным включением в семантическое пространство текстов так называемых кодов культуры. Дискурсивная деятельность искусства и в целом культуры характеризуется наличием динамической системы правил употребления знаков – культурным кодом. Для лирической поэзии Е. Зейферт характерно обращение к бинарным кодам культуры разных эпох, что как бы вписывает её творчество в общемировой контекст и нацеливает на сонетное творчество:

«Ты – я» – это не «ты плюс я»,  
Не ты, мне равное по силе,  
По измереньям бытия,  
По тяге и размаху крыльев.  
«Ты – я» делить уже нельзя.  
«Ты – я» делимо лишь для Бога,  
Ты – моя верная стезя,  
Я – твоя лучшая дорога... [2, с. 41]

или:

Бог и человек.  
Сила и нежность.  
Весна и снег.  
Обновление и уход.  
Чаша терпения и полная чаша.  
Вечность и тлен.  
Основа и хрупкость... [2, с. 93]

Обращаясь к мысли о дуалистической природе вселенной, нашего мира и человека, Е. Зейферт улавливала в сочетании двух противоположных начал некую гармонию, уловить которую можно только в поэтике признаваемого сонета.

Как отмечает Ж. Толысбаева, одна из первых исследовательниц творчества Е. Зейферт, «...субъект лирического высказывания в её сонете – эмоциональная личность, интеллектуал, философ, обладающий даром гармонического мировидения» [5, с. 12]. Именно это качество – гармоническое мировидение – и позволило поэтессе создать свой «миф о Человеке». Каждый текст Е. Зейферт создаёт образ непреклонного человека, чуждого компромиссам, умеющего искренне любить и быть достойным страдания.

Г. Ермошина в работе «В поисках божественного слова» пишет: «Когда начинаются процессы разлома и изгнания культуры и Бога, как носителя этой культуры, то может умереть всё, что до этого существовало в незыблемом единстве. Пожалуй, для Елены Зейферт главное даже не присутствие Бога в мире, а присутствие его в человеке – любом, каждом. Тогда и мир будет целым, единым, тогда и будет возможным создание текста как мира» [1, с. 38].

Бог был Текст.  
Бог состоял из слов, из нот, из фресок...  
Бог был и Текст, и Песнь, и Холст. Исчез [2, с. 7].

Бог исчезает, когда исчезает его голос. И поэт становится поэтом именно в процессе поиска этого божественного исчезнувшего слова, восстанавливая текст как мир, из обрывков, обломков разбившейся речи. Но дело поэта – не собирать стёклышки калейдоскопа, чтобы сложить из них другой, новый мир,

а восстановить утраченные связи: между людьми, культурами, голосами, сшивая трещины и разломы своим словом, залечивая раны и разрывы целебным бальзамом («Из слов – осколков, зёрнышек и щепок // растёт Господь»). Поэт – целитель, врачеватель, прохладная рука на лбу горячечного больного.

Я тку стихи. Из тёплых тонких жил...  
Теряю кровь, сознание, терпенье,  
Чтобы узнать, как текст стихотворения  
Ложится житом – благостным из жит» [2, с. 8].

Стихи о Человеке в ее творчестве не только свидетельствуют о своеобразном видении личности «человека всех времен и народов», но также дают возможность её воссоздать. Авторская мифопоэтическая модель судьбы человека наиболее оригинально воплощена в сонете с характерным заглавием «Никто».

Заглавие сонета работает в нескольких планах одновременно. С первой строки оно напрямую выводит к Одиссею, назвавшемуся «Никто» в пещере Полифема. Эта откровенная мифопоэтическая реставрация позволяет интерпретировать образ главной героини и как игровой (неслучайно так много масок примеряется ею на протяжении всего текста), и ускользающей от одномерности отношений. В то же время «Никто» – это позиционирование великих, гениальных и скромных личностей, понимающих истинное место во вселенной и потому добровольно остающихся в тени. Примечательно, что образ «никто» встречается и в прозе Е. Зейферт:

«...Гость откинулся на спинку воображаемого стула и деликатно исчез, как никто, понимая её, как всегда послушный. Она испуганно, но с явной охотой погружалась в мягкое приятное кружево – молодость... запах своих длинных волос... чей-то голос... Полнота жизненных красок исходила извне, она встала, как-будто кто-то крепко взял её за маленькую, беспомощную руку, и вдруг поняла...» [2, с. 115].

Противоречивый понятийный ряд, прослеживающийся в динамике развития образа Никто, свидетельствует о богатом генезисе этого образа: и аппелирует к миру о Тени, имеющему глубокие корни. Тень – своеобразный символ, оставляемый телом человека. Через тень тело приобретает способность отстраняться от самого себя, раздваиваться или множиться, обретать пространственную и временную независимость. Вот почему потеря тени ущербна для тела. Тень, как и отражение, особым образом продолжает и расширяет жизнь человека в окружающем пространстве: он один начинает занимать два или даже несколько мест [6, с. 185].

Подобное совмещение противоречивых значений прослеживается и у Е. Зейферт. В каждой строчке сонета находится образная или понятийная антитеза:

я не Феникс – буду вечным;  
ты статуя – взовёшь;  
взовёшь – оглушу;  
Кто ты? – Никто [3, с. 67].

Многие философы, начиная с Платона, видели в человеке божественное создание. Не исключение и Е. Зейферт. Высший человек для неё – богоизбраннык, идеал, отмеченный светом небес. Мотив бессмертия подобного человека – один из главных и постоянных мотивов её творчества. Неслучайно автор обращается к образам Феникса, бога Ра, Жанны д'Арк. Феникс (Фойнике) – мифическая птица золотисто-красного цвета, живущая 500 лет (или 1460, или 12954), перед смертью сжигает себя и тут же рождается вновь из пепла молодой и обновлённой. Жанну д'Арк сожгли на

костре, но, согласно легенде, её сердце нашёл палач среди пепла, костёр так и не смог уничтожить сердце легендарной героини. Бог Ра – бог солнца, «зрелое солнце», оплодотворившее самое себя, вечное светоносное. Но в то же время в тексте Е. Зейферт. Очевиден антиномичный ряд:

- 1) смертен – бессмертен;
- 2) всеведущ – бесплотен;
- 3) ничтожен – всемогущ.

Авторский миф Е. Зейферт о жизни в целом соотносим и с пушкинской стихийной метафизикой, которая, в свою очередь, восходит к учению Гераклита об огне-первооснове – чистом космическом движении, всеедином начале абсолюта [4, с. 45].

В творчестве Е. Зейферт любовное чувство изображается как горение души:

Ты, как слепец, уверен – я такая  
И буду вечным светоносным Ра [3, с. 44]

А смерть – как угасание огня в человеческом существе:  
Но я не Феникс. Я живу однажды [3, с. 45]

И тут же идея любви сопряжена с возгоранием: «Я Жанна д' Арк, уснувшая от жажды / Любви» [3, с. 45].

Характерно, что обе позиции не противоречат гераклитовой философии, в которой бытие представляет собой борьбу различных состояний огня.

Вечная борьба в человеке, масштабность создаваемого образа раскрывается в образе Пимена (Преподобный Пимен, живший в XII веке, исцелял больных, предсказывал будущее).

Не менее многозначен образ скульптора («Я скульптор твоей тени» [3, с. 44]). Скульптор – реальный человек, создатель статуи (выполняет миссию творца), образ, который формирует, воссоздаёт, однако скульптор твоей тени, в данном случае души.

Автор изображает образ бездушного, тиранического человека: «А ты Давид. Ты статуя нагая» [3, с. 44]. Известно, что скульптура – один из самых древних видов искусства. Важным этапом истории скульптуры является античность, идеалами которой были создание образа гармонически развитого человека. Давид – мраморная статуя работы Микеланджело, пятиметровое изваяние стало восприниматься как символ грозной силы. В тексте же Е. Зейферт Давид – символ застывшего чувства.

Чтобы пробудить это чувство, автор использует сонет. Л. Гроссман отождествил сонет с поэмой. «Маленькой поэмой», «точной поэмой» можно назвать и сонет Е. Зейферт, где героиня выступает в качестве лирического рассказчика, а он, в отличие от автора-повествователя, не обладает качествами всеведения и всезнания:

Ты, как слепец...  
Я подожду, пока ты, ослеплённый... [3, с. 45].

Герою же дано право высказаться всего один раз: «Кто ты?» [3, с. 45].

Характеристика поведения героя с его неразвитой способностью любви метафорой «дочерна влюблённый» очень выразительна. Оксюморонное словосочетание (чёрный и влюблённый – понятия несовместимые) передаёт степень напряжения чувств героини и её оценку героя.

Обращаясь к своеобразию диалога в сонете, следует сказать о том, что обмен героями репликами обнаруживает пропасть между их состояниями, они не видят и не слышат друг друга. И такая «глухота» акцентирует трагедию непонимания между лирической героиней и героем. Героиня своей репликой

отвергает возможность взаимопонимания. Она воинственна, самодостаточна, непоколебима в собственной позиции, обладает огромной силой волей.

Трагедия неразделённой любви в конце сюжета (по закону этого жанра) лишает героиню рассудка, рождает бунтарство, возмущение некоей несправедливостью. Рифменные созвучия «подожду» – «накажу», «оглушу» помогают увидеть перерождение героини.

Как Одиссей вонзил дубину в единственный глаз чудовищного великаны Полифема, так и героиня ждёт до конца: пока возлюбленный не признает своё неумение любить: «В пещере сердца дочерна влюблённый...» [3, с. 45].

С самого начала сонета лирическая героиня примеряет на себя женские роли – нимфы, богини, испытывающей неземную любовь:

Я та, что есть на свете без сомнений,  
И та, что может все из ничего [3, с. 44].

Сонет нередко называют самым автобиографичным жанром лирики, поскольку в этом жанре особенно ощутимо максимальное сближение автора и лирического героя. Сонетный автобиографизм не претендует на документалистскую точность, он рождается как эстетическое воплощение переживания поэта. Отсюда – такое немыслимое количество личного местоимения «Я»:

Я – Пимен,  
Я – скульптор,  
Я – чистильщик,  
Я – та,  
Я – такая,  
Я – не Феникс,  
Я – живу,  
Я – Жанна д'Арк,  
Я – Одиссей,  
Я – подожду.

Так акцентировано внимание автора на деятельном созидательном начале Человека.

Манифицируемый в тексте «Никто» – это нравственный выбор поэтессы, её жизненная позиция, а шире – утверждение ею концепции человеческого бытия, в котором нет места тирании, деспотизму, насилию. Благодаря мифопоэтической основе этого текста достигается простота и прямota высказываний, с которой только и можно говорить о личном и общем, актуальном и общечеловеческом.

Таким образом, в общественном «продвинутом сознании» первоначально появляется догадка, предположение о том, что на свете есть люди более способные, чем все остальные, и что им дана способность общаться с таинственным миром сверхъестественного. Так, первоначально идея личности была идеей о том, что некоторые обладают конкретными превосходными качествами, развившимися в них, благодаря вмешательству небесных сил, оказывающих в дальнейшем такому человеку своё неземное покровительство. В этой связи личность понималась как нечто уникальное и божественное. Все, что выходило за рамки обыденного и не могло быть объяснено с помощью обыденного, считалось сверхъестественным. Носители этого сверхъестественного были сами не от мира сего. Именно из этих представлений постепенно и зарождался миф о личности.

Данный миф нами оценивается как позитив, поскольку он является началом генезиса представлений о личности в целом и развитием самой личности в частности. Миф о личности появился как своего рода догадка, предположение, гипотеза о том, что обыденный человек может и должен

быть больше того, чем он является на самом деле. Прообраз личности мы обнаруживаем уже в появлении героя, с которым общаются вечные боги.

**Список литературы**

1. Ермошина Г. «В поисках божественного слова» / Г. Ермошина // Знамя. – 2010. – № 5.
2. Зейферт Е. И. Веснег. Стихи и переводы / Е. И. Зейферт. – Москва : Время, 2009. – 208 с.
3. Зейферт Е. Малый изборник / Е. Зейферт. – Караганда, 2002. – 136 с.
4. Магия твердых форм и свободы. – Алматы : Мусагет, 2002. – 104 с.
5. Толысбаева Ж. Ж. Конет в поэзии Казахстана конца XX – начала XXI вв / Ж. Ж. Толысбаева. – Семей : Талант, 2008. – 80 с.
6. Юнг К. Г. Психоанализ и искусство / К. Г. Юнг, Э. Нойман. – Москва : Рейфл-book – Киев : Ваклер, 1996. – 302 с.

**References**

1. Epmoshina G. «V poickax bozhectvennogoclova» // Znamya, 2010, № 5.
2. Zeyfept E. I. Vecneg. Ctixi i pepevodyi. Moscow, Vpemya, 2009. 208 p.
3. Zeyfert E. Malyiy izbornik. Karaganda, 2002. 136 p.
4. Magiya tverdyih form i svobodyi. Almatyi, Musaget, 2002. 104 p.
5. Tolyicbaeva Zh. Zh. Conet v poezii Kazaxctana kontsa XX – nachala XXI vv. Cemey, Talant, 2008. 80 p.
6. Yung K. G., Noyman E. Psichoanaliz i ickuccctvo. Moscow, Pefl-book, Kiev, Vaklep, 1996. 302 p.